

Глухо звякнул дверной колокольчик, и в магазин вошел очередной посетитель — ничем не примечательный мужчина среднего роста, с коротко стриженными темными волосами. Пожалуй, только одно в нем было привлекательным — выразительные карие глаза. Мужчина удивленно огляделся по сторонам, не понимая, что его привело в самый обыкновенный магазин, где продавались обувь и сумки, изготовленные в Китае и выдаваемые за итальянские.

Задумавшись, он шел по улице, и вдруг словно какая-то посторонняя сила толкнула его сюда, рука потянула за дверную ручку, и он оказался внутри...

В магазине не было ни души, кроме откровенно скучающей продавщицы — крашеной блондинки неопределенного возраста. При виде покупателя она помрачнела, взглянула на часы и недовольно проговорила:

— Мужчина, мы через пять минут закрываемся.

— Меня через пять минут здесь не будет! — огрызнулся несостоявшийся покупатель и подумал, насколько неистребимо хамство.

Равнодушно скользнув взглядом по полкам с туфлями и босоножками, он уже хотел выйти, как вдруг рядом с ним возник смуглый человек маленького роста в поношенном костюме, с маленькой острой бородкой и бегающими глазами. На голове у него красовалась вышитая бархатная шапочка.

— Купи вещь, — проговорил этот странный персонаж, опасливо покосившись на строгую продавщицу. — Недорого отдам.

— Мне ничего не нужно! — отрезал мужчина и шагнул к выходу, но навязчивый тип оказался прямо у него на пути и силой что-то вложил в ладонь.

Мужчина не сомневался, что ему пытаются сбыть ворованный мобильный телефон, но, невольно раскрыв ладонь, увидел небольшой круглый медальон на тонкой цепочке. Медальон тускло блестел старым золотом. Наверняка дешевая подделка...

— Мне ничего не нужно! — повторил мужчина и хотел вернуть вещь странному типу, но тот куда-то исчез, словно сквозь землю провалился.

Мужчина растерянно завертел головой: в магазине не было никого, кроме него самого и продавщицы. Да что же это такое? Он было подумал, что странный тип ему померещился, но лежащий на ладони медальон неопровержимо доказывал реальность происшедшего.

С продавщицей тем временем происходило что-то необычное. Ее унылое некрасивое лицо покрылось красными пятнами, по нему прошла судорога, а губы вдруг сложились в непривычную улыбку.

— Если вам что-то понравилось, вы посмотрите, — проговорила она заискивающим тоном. —

Что уже семь часов — так это не страшно, я не закрою, пока вы выбираете... Вот здесь посмотрите, это очень хорошие ботинки, из настоящей телячьей кожи... вы не беспокойтесь, я никуда не тороплюсь, меня дома никто не ждет...

Однако мужчину не интересовали ее семейные обстоятельства, не интересовали происходящие с ней перемены. Удивленно разглядывая медальон, он спросил:

— Вы не видели, куда делся этот человек?

— Какой человек? — угодливо переспросила продавщица, выйдя из-за прилавка.

В ее голосе не было ни раздражения, ни удивления — только готовность помочь.

— Ну этот, в бархатной шапочке?

— Кто? — Кроме удивления, во взгляде продавщицы сквозило еще что-то, чему трудно было подобрать название — надежда? растерянность? ожидание?

— Ну этот, с бородкой...

— Кроме вас здесь никого не было. Послушайте, а вы не хотите чаю? У меня есть очень вкусные домашние пирожки. Я сама пеку, по маминому рецепту...

«С ума все посходили!» — подумал мужчина и стремительно покинул магазин.

Полина вошла в помещение крошечного ресторанчика и с удовлетворением огляделась. Время ланча закончилось, в зале было совсем немного народу, и ее любимый столик у окна оказался свободен.

— Пасту? — с улыбкой спросила подошедшая официантка.

— Привет, Алиса! — улыбнулась в ответ Полина. — Нет, хоть паста у вас и выше всяческих похвал, но если я буду каждый день есть макароны, то просто не войду в вашу дверь. Точнее, не выйду на улицу!

— Да о чем ты говоришь? Ты у нас уже неделю не была! — запротестовала Алиса.

— Вот-вот! — послышался мягкий голос, и возле столика появился сам хозяин ресторанчика Илья Борисович. — Драгоценнейшая моя! — церемонно начал он. — Что же вы нас забыли? Я уже начал волноваться, здоровы ли вы, а может, решили сменить место обеда...

Он не признавал слова «ланч».

— Была очень занята, — сказала Полина, — так забегалась — поесть некогда.

— Это плохо, — всерьез огорчился хозяин, — молодым женщинам нужно забыть про всякие диеты и хорошо питаться. Только тогда у них будет хороший цвет лица. И главное — не торопиться.

— А она не хочет заказывать нашу пасту! — тут же наябедничала Алиса.

Илья Борисович, полный профессиональной обиды, сложил руки перед грудью.

Полина очень его понимала. В этом ресторанчике пасту делали каждое утро вручную. Рецепт теста столетней давности хозяин раздобыл в какой-то тосканской деревушке, когда путешествовал по северной Италии. Паста являлась их фирменным блюдом, да и остальные блюда тоже были на уровне. Сам хозяин иногда вставал к плите.

— Илья Борисович, миленький, — рассмеялась Полина, — у меня вес лишний! Полтора килограмма набрала!

— Я знаю, что вам нужно! — Хозяин просветлел лицом. — Лосось гриль под соусом из шампиньонов и кедровых орешков! Очень легкое блюдо!

— Согласна! Алиса, вина не надо, мне еще работать! Воды без газа, а потом кофе...

Официантка удалилась, хозяин тоже. Полина откинулась на спинку стула и едва заметно усмехнулась. Разумеется, она прекрасно знала, почему ее так обхаживают. Она была известным колумнистом и вела собственную колонку в одном популярном журнале. Тема увлекательная: где в Санкт-Петербурге можно хорошо и вкусно поесть и за какую цену, что тоже немаловажно. Еще она составляла справочники ресторанов. Первый разлетелся быстро и весьма приличным тиражом, так что пришлось допечатывать, а второй был уже на подходе.

Так что имя Полины Синицыной было довольно известно в ресторанных кругах. Владельцы кафе и ресторанов заискивали перед ней и были готовы на все, чтобы добиться от нее хорошего отзыва или хотя бы упоминания в справочнике.

Этот ресторанчик под названием «Аль денте» она нашла несколько месяцев назад. Зашли сюда как-то с приятельницей, и та выболтала хозяину, кто сидит у него за столиком. Полине тогда все понравилось, о чем она и не преминула сообщить Илье Борисовичу. Он обрадовался, и, видно, мысль попасть на страницы справочника запала ему в голову, но прямо он ее ни о чем таком не просил. Однако Полине до того тут понравилось, что стало жалко делать ресторану рекламу в справочнике — понабегут клиенты и такое хорошее место может испортиться.

Она с удовольствием сделала глоток ледяной воды, принесенной Алисой, и отщипнула кусочек теплой ароматной чабатты. К хлебу полагалось чесночное масло — в красивой розетке, украшенное веточкой розмарина. Полина поколебалась немного — все же за последний месяц набрала полтора килограмма, но не удержалась и намазала хлеб тонким слоем. Слаб человек, ох, слаб!

Она оглядела зал. На нее никто не смотрел, немногочисленные посетители были заняты едой и своими собственными мыслями. Женщина за одним из столиков — по виду бизнес-леди, в дорогом деловом костюме, с прической и тщательным макияжем — рассеянно помешивала ложечкой остывший кофе и посматривала на дверь. Ее лицо показалось смутно знакомым, но кто она такая, Полина так и не вспомнила. У окна расположился парень — длинноволосый и неопрятный, уставился в свой ноутбук и увлеченно молотил по клавишам. Ну этого Полина точно никогда не видела. Еще одна женщина — на вид постарше и одета попроще — лакомилась фокаччей — теплой лепешкой с оливками и розмарином.

Полина обводила небольшой зал вроде бы рассеянным равнодушным взглядом, на самом же деле это была профессиональная привычка — она должна знать, какая публика куда ходит. Из своих наблюдений Полина подчас делала весьма оригинальные выводы, что, конечно, помогало в работе.

Последний посетитель был хорош, но не типичен: крупный, можно сказать, толстый мужчина в белом полотняном костюме. Прямые черные волосы, разделенные на аккуратный пробор и прикрывающие

уши, крошечная стильная бородка. Из-за полноты было непонятно, какого он возраста. Полина на мгновение задумалась, кто он вообще. Никак не определить. Ладно, отнесем его к группе оригиналов. Толстяк как раз доел суп и сейчас по-детски облизывал ложку.

Полина фыркнула и прикрылась стаканом с водой.

Вдруг что-то шлепнулось на нее сверху, и раздался крик. Полина в ужасе уставилась на юбку — совершенно новую, второй раз надетую, нежно-голубую юбку, на которой расплывалось огромное пятно от томатного соуса.

— Та-ак... — протянула она и подняла глаза.

Над ней стоял мальчишка-официант. В руках у него была большая тарелка, в глазах плескалась паника.

— Простите, простите... — залепетал он, — я нечаянно... я помогу... это можно замить...

— Свободен, — процедила Полина, поймав на себе любопытный взгляд толстяка. — Что у тебя там — спагетти болоньезе?

— Кальмары, фаршированные морепродуктами, — почти прошептал официант.

— Исчезни! — не разжимая губ, сказала Полина.

Не оглядываясь по сторонам и сохраняя каменное лицо, она прошагала через зал и скрылась в темном коридорчике, где располагался туалет, напоследок заметив, что толстяк в белом костюме смотрит ей вслед с легкой насмешкой, и пожелав ему мысленно вывалиться в томатном соусе с ног до головы.

В туалете Полина разглядела хорошенько пятно и расстроилась еще больше. Нечего было и думать привести юбку в порядок самостоятельно. А если за-

стирать, то химчистка не примет. Но как же ходить в таком виде по городу?

Сегодня утром Полина одевалась тщательно, долго выбирая костюм, потому что вечером должна была пойти в клуб с Евгением. Он обещал познакомиться ее с очень интересными людьми. Поэтому она и выбрала новую юбку и модный в этом сезоне пиджак в цветочек. Еще радовалась, дура, что ей все идет!

В мае она была на Сицилии — удачно совпали отдых и командировка, ее включили в группу рестораторов, которые изучали сицилийскую кухню. Средиземноморский загар еще остался, так что открытый топ смотрелся очень прилично. Полина вообще любила все оттенки синего и голубого, потому что они подходили к глазам. Глаза у нее от природы темно-голубые, волосы светлые, так что приходилось их красить, чтобы не выглядеть совсем уже гламурной блондинкой, каких встретишь на каждом шагу. Нынешний оттенок, рыже-каштановый, Полине очень шел. Но юбка... черт бы побрал этого недотепу!

Тут в голове мелькнуло зацепившее ее какое-то несоответствие, но Полина тут же отогнала посторонние мысли и заставила себя сосредоточиться на главном. А именно: как выйти из сложившейся ситуации с наименьшими потерями?

Получалось, что никак. То есть волей-неволей придется отменить обе сегодняшние важные встречи и мчаться домой, чтобы переодеться. Или же звонить Евгению и извиняться, а после коротать вечер в одиночестве перед телевизором. Нет, это было выше ее

сил! Отменить встречу с любимым мужчиной из-за дурацкой юбки!

Полина выскочила из юбки и сунула ее под кран. Идиотский ресторан! Мыла нормального в туалете нет, капает какая-то жидкая дрянь из резервуара! Как ни странно, пятно отошло. Не зря говорят, что такие пятна нужно отстирывать сразу, пока не за-сохло и не впиталось.

Затем она долго вертелась у сушилки, пытаясь высушить и разгладить юбку, но вид все равно был неприличный. «Все-таки придется ехать домой», — подумала Полина и хотела уже позвонить в издательство, где готовили справочник, чтобы сказать, что сегодня никак не сможет прийти, но тут сообразила, что оставила сумочку на стуле.

Вот еще неприятность! Как бы не сперли... В ней телефон, кошелек, блокнот с записями и еще много всего нужного.

Ну за сумку-то старый осел Илья Борисович ответит ей головой! Если что пропадет, она от этой забегаловки камня на камне не оставит! После ее заметок Илье Борисовичу останется только закрыть ресторан и переквалифицироваться в приемщики битой посуды или выгуливать чужих собак.

И все же она решила пока не заедаться — ну, с кем не бывает? Хотя хозяину следует более вдумчиво подбирать персонал.

Снова мелькнула какая-то мысль, и Полина уже было поймала ее, но тут послышался грохот, как будто лопнула камера. Или запустили петарду — большую, красивую... Затем раздался звук падающей мебели, чей-то крик, и опять полетели петарды. Несколько штук. Кто-то завизжал и затопал. А потом все стихло.

Полина пожалала плечами — что у них там происходит? Не будет она больше посещать этот ресторан, как-то все здесь подозрительно.

Она подкралась к двери и прислушалась. Никто не ходил мимо, не шумел холодильник, не булькала вода в трубах, стояла глубокая мертвая тишина.

Полина еще немного послушала эту странную тишину, выглянула в коридор и медленно направилась в сторону зала. Когда до поворота оставалось несколько шагов, она наткнулась на женскую туфельку, валявшуюся посреди коридора. Туфелька была дешевая, слегка поношенная, на небольшом каблучке. Полина удивленно уставилась на нее, сделала еще один шаг вперед и только тогда увидела, что из-за угла коридора виднеется женская нога. Видимо, с этой-то ноги и свалилась туфелька.

Полина в растерянности принялась рассматривать ногу. Тонкая щиколотка, черный чулок с маленькой затяжкой на пятке. Почему-то эта затяжка как магнит притягивала ее взгляд. Но самым странным казалось то, что нога была неподвижна.

Наконец Полина сделала еще один шаг, чтобы разглядеть обладательницу неподвижной ноги и понять, что с ней случилось, и, выглянув из-за угла, увидела распростертую на полу женскую фигуру, в которой с трудом узнала официантку Алису. Алиса лежала в странной и неудобной позе, вытянув одну ногу и подогнув другую, ее глаза были широко открыты и смотрели в потолок с детским испуганным удивлением. А между широко открытыми глазами зиял еще один глаз...

— Алиса, — Полина невольно понизила голос, — что с тобой? Тебе плохо?

Девушка не отвечала.

На Полину вдруг напало какое-то странное оцепенение, сквозь которое, как сквозь толстое стекло, медленно доходил очевидный и ужасный факт: эти пустые, широко открытые глаза, эта неестественная поза могли обозначать только одно — официантка мертва. Больше того: то, что в первое мгновение показалось Полине третьим глазом, в действительности было входным отверстием пули.

— Что... что такое... — растерянно пробормотала Полина, попятившись. — Что случилось? Господи, да что это?

Краем глаза она уловила какое-то движение за спиной, словно тень мелькнула в стеклянной двери, ведущей в зал.

Полина хотела обернуться, но не успела, потому что в эту секунду на нее будто обрушился потолок.

Она упала лицом вниз, темная волна дурноты и беспамятства на короткий миг накрыла ее с головой, но она сумела вынырнуть из этой волны, застонала и подняла голову. Перед глазами все плыло и двоилось, в затылке пульсировала боль. Сквозь боль и дурноту Полине показалось, что к ней кто-то подошел и дотронулся до нее. Она снова застонала, встала на колени, потом невысказанным усилием взяла себя в руки и поднялась во весь рост.

Еще несколько секунд Полина видела все через тусклый красноватый туман, но потом туман рассеялся, и зрение вернулось. Остались только дурнота и боль в затылке.

Полина стояла на пороге зала ресторана. Но зал за время ее отсутствия удивительным и ужасным образом изменился. Несколько столов было опроки-

нуто, стулья валялись где попало, но самым ужасным были человеческие тела, валявшиеся, как сломанные куклы, то тут, то там. Полина узнала и деловую женщину средних лет, и парня-программера, и вальяжного толстяка в белом костюме. Костюм был залит кровью, как будто нерасторопный официант опрокинул на клиента полное блюдо томатного соуса. У деловой дамы неприлично высоко задралась юбка, были видны кружевные края чулок, и почему-то это показалось Полине особенно ужасным. Пожилая женщина лежала отдельно, как будто успела выскокить из-за стола и пыталась бежать. Или хотя бы спрятаться за шкафчиком для посуды. Там ее и настигла пуля. Даже две, потому что она так и лежала, зажимая плечо, а потом уж ее добила выстрелом в голову.

Все это было дико, непостижимо, непонятно, этому не было места в ее устоявшейся, налаженной, благополучной жизни. Поэтому Полина закрыла глаза и взмолилась: «Пусть все это исчезнет! Пусть все будет, как прежде, как полчаса назад!»

Она открыла глаза, но ничего не изменилось.

Перевернутые столы и мертвые люди на полу.

Тут Полина осознала, что сжимает в правой ладони что-то тяжелое и холодное. Она подняла руку — и с изумлением увидела, что держит пистолет. Тяжелый черный пистолет с удобной ребристой рукояткой. Она даже определила его марку — «Беретта». Точно такой пистолет давал ей в свое время Николай, когда они были в тире.

Но откуда сейчас в ее руке взялся этот пистолет?

В нескольких шагах от нее послышался новый звук.

Это был скрип двери, шаги...

Полина подняла глаза и увидела Илью Борисовича. Хозяин ресторана стоял в проеме двери, ведущей в кухню, с вытянутым от ужаса и изумления лицом.

Их глаза встретились — и Илья Борисович побелел как полотно. Он посмотрел на Полину, на пистолет в ее руке — и, с трудом выдавив трясущимися губами: «Не надо!» — бросился прочь, в спасительную жару кухни.

— Стойте! — крикнула Полина ему вслед. — Что вы подумали?

Но дверь уже захлопнулась, и из кухни понеслись возбужденные голоса.

Мысли тяжело ворочались в голове, затылок ломало.

«Он решил, что это я... — думала Полина отстраненно. — Что я убила всех этих людей... А что еще он мог подумать, увидев это кошмарное побоище и меня с дымящимся пистолетом в руке? Кто угодно подумал бы то же самое...»

Она увидела себя со стороны — растрепанную, с перекошенным лицом и безумными глазами, с «Береттой» в руке...

С улицы донесся вой сирены, скрип тормозов, и за окном ресторана появились черные фигуры в бронжилетах. Ну, еще бы, хозяин небось сразу же вызвал полицию, как только услышал выстрелы, но не удержался и вышел из кухни посмотреть, что же случилось. И увидел Полину с пистолетом.

Внезапно оцепенение оставило Полину, и время, которое только что ползло, как машина в час пик, понеслось в бешеном темпе голливудского триллера.

Она отбросила пистолет, развернулась на пятках, стрелой пролетела знакомый коридор и влетела в туалет, где только что замывала пятно на юбке. Одним движением подтолкнула мусорный бачок к окну, дернула шпингалет, подтянулась и втиснулась в форточку. Перекувырнувшись в воздухе, приземлилась на тротуар и бросилась бежать по безлюдному переулку.

Только вылетев на улицу, Полина замедлила шаги, перевела дыхание и с изумлением прислушалась к себе. Как ей это удалось? Как она смогла так ловко проделать все эти немыслимые вещи — подтянуться, протиснуться в окно, выпрыгнуть, ничего себе не переломав? Ведь она не суперагент вроде «ангелов Чарли», а обычная журналистка, и даже пишет не о спорте, а о ресторанах — что может быть более мирным?

Так-то оно так, но все же семь лет занятий спортом не прошли даром. Реакция у Полины всегда была отменная!

На место первой мысли пришла вторая, точнее, она никуда и не уходила. Неожиданная ловкость — дело десятое, а вот что вообще с ней происходит? Что случилось в ресторане? Все эти трупы... и пистолет в ее руке... неужели это действительно она в помрачении рассудка убила этих людей?

Да нет, чепуха, бред!

Полина попыталась рассуждать здраво.

Она и правда на какое-то время потеряла сознание, но не давал покоя целый ряд вопросов.

Во-первых, откуда у нее взялся пистолет?

Во-вторых, когда вышла из туалета, еще до того, как провалиться в темноту беспомыслия, она увидела мертвую официантку.

В третьих, кто-то напал на нее в коридоре, она видела тень на стекле. Очевидно, и тут сработала ее реакция, она инстинктивно сумела втянуть голову в плечи, и удар по голове получился скользящим, ее только оглушило, поэтому так быстро и пришла в себя.

Было еще что-то, что очень беспокоило Полину, какая-то важная деталь, но пульсирующая в затылке боль мешала сосредоточиться и поймать ускользающую мысль.

Полина потрогала затылок и нащупала здоровенную шишку.

Кто ее ударил? Тот же, кто убил всех этих людей там, в зале?

Полина перехватила удивленный, неодобрительный взгляд встречной женщины и остановилась возле витрины, чтобы взглянуть на свое отражение. Все самые худшие ее опасения подтвердились: волосы были растрепаны, помада размазана, воротник пиджака надорван, да еще на рукаве красовалось подозрительное красное пятно. Нет, в таком виде нельзя разгуливать по городу, нужно поехать домой и привести себя в порядок...

Из-за угла как раз вывернула подходящая маршрутка. Полина махнула рукой и втиснулась на заднее сиденье. Журналистская жизнь научила ее быть готовой ко всяческим неожиданностям, поэтому в карман пиджака она сунула утром тысячную купюру. Запасные ключи от квартиры она возьмет у соседки.

Водитель заворчал, отказываясь менять тысячу, но Полина так на него посмотрела, что он смирился.

Она откинулась на сиденье и закрыла глаза, потому что уж больно внимательно посматривал на нее мужичок напротив, и уже рот открыл, намереваясь, надо думать, задать вопрос, откуда это она в таком подозрительном виде едет.

Собрав разбегающиеся мысли, Полине удалось успокоиться.

Удалось, хотя и с трудом. Ох, спасибо огромное Михалычу, который учил их, неопытных желторотых девчонок, умению сконцентрироваться. Биатлон, говорил он, спорт особый. Это надо уметь — так быстро перестроиться. Бежала-бежала, встала на позицию, мигом сосредоточилась — чтобы руки не дрожали и дыхание не сбивалось, отстрелялась, винтовку на плечо — и снова на лыжи. Бегут спортсмены на время, за каждый промах — время увеличивается.

Михалыч научил нескольким приемам, как дыхание восстановить и сердечный ритм выровнять. Хороший дядька был, жалко его до сих пор. С мужем, Николаем, Полина тоже ведь у него познакомилась. К Михалычу разные люди ходили, всем он помогал, за то и поплатился.

Биатлон — спорт гармоничный, требует нешутя точного умения и стальных нервов. Из биатлонистов потом много народу в киллеры подались или просто в бандиты. Потому что, кроме как метко стрелять и быстро бегать, мало кто умеет делать что-то полезное.

Михалыч всех своих учеников привечал, никого не бросал. Ну, вот и приполз к нему как-то Сашка Чечулин — в бегах, говорит, помоги, Михалыч, больше не к кому обратиться. Михалыч укрыл его,

денег потом дал, помог уехать. А через два дня являются к нему бандиты — говори, куда того типа дел. И главное, среди них тоже бывший ученик, Генка Сычев по кличке Сыч. Михалыч его стыдить начал — что ж это такое, Геша, вы у меня вместе столько времени прозанимались... Но про Сашку ничего не сказал, не испугался в общем.

А зря. Потому что с Генкой такие отморозки явились... Что они со стариком сделали — страшно вспомнить. Полина на похоронах была — Михалыча в гробу не узнать было. Неделю потом он ей снился. А через день после похорон нашли на даче Генку Сыча. Подвесили его на собственном ремне и внизу открыточку бросили — привет, мол, от Михалыча. Это бывшие ученики постарались, старика не убеждали, так хоть отомстили.

Тогда-то Полина и решила, что больше ей в этом спорте делать нечего. Уж если такого человека, как Михалыч, не пожалели, то совсем уже народ осатанел. И с тех пор винтовку в руки не брала.

Николай тогда с ней был не согласен, но промолчал, уважая ее решение. А года два назад пригласил ее в тир, где у него приятель работал, и научил стрелять из пистолета, и вообще в оружии разбираться. На всякий, говорил, пожарный случай, жизнь сейчас сложная.

Полина вздрогнула, ощутив в руке холодную ребристую рукоятку «Беретты». Как ладно пистолет лег в руку! Господи, за что ей все это, за какие грехи?

За этими мыслями Полина проехала свой дом, а спохватившись, вскочила и крикнула водителю:

— Стой! Мне здесь выйти нужно!

— Проспала, да? — беззлобно отозвался сын гор. — Спать дома надо, красавица, со своим мужем, если есть, в маршрутке по сторонам глядеть надо! Маршрутка — это не велосипед, красавица, где хочешь, остановиться не умеет! Вон же, написано: остановка говорить заранее. Ты что, красавица, читать не умеешь?

Тем не менее он поднатужился и остановился на ближайшем перекрестке.

Полина выбралась из маршрутки и решила для скорости срезать дорогу через сквер. Но, пройдя по узкой дорожке и раздвинув кусты, чтобы выйти к своему подъезду, она застыла как вкопанная.

Перед ее подъездом стояла машина с мигалкой на крыше и надписью «Полиция» на борту, около которой суеилось несколько человек в такой же черной униформе, как и те, от кого она сбежала в ресторане. Среди них находился единственный человек в штатском, но он-то, по-видимому, и был здесь главным. Конечно, это могло быть простым совпадением, но Полина попятилась.

Человек в штатском послушал мобильный телефон, спрятал его и скомандовал:

— Двенадцатая квартира!

Двенадцатая. Ее квартира. Это не совпадение.

Парни в униформе хлынули в подъезд.

Полина развернулась и быстро зашагала в обратном направлении.

Навстречу ей метнулся знакомый жизнерадостный фокстерьер, за ним едва поспевала Эльвира Львовна, дородная соседка с четвертого этажа. Соседка всегда была дома, выходила только погулять с собачкой, именно у нее Полина хранила запасные ключи.

Фокстерьер залился радостным лаем и попытался встать лапами на многострадальную юбку Полины. Эльвира Львовна строго прикрикнула на него, повернулась к Полине и проговорила густым басом корабельного боцмана:

— Здравствуйте, дорогая моя... вы слышали, какой ужас... Полина из двенадцатой квартиры... кто бы мог подумать! С виду такая приличная девушка...

Тут до нее с запозданием дошло, с кем она столкнулась, и лицо Эльвиры Львовны помертвело. Она попятилась, ноги ее подогнулись, и несчастная пенсионерка села на мусорную урну. Губы ее тряслись, глаза чуть не вылезли из орбит.

— Эт-то... вы?.. — пролепетала она из последних сил.

— Нет, не я, — бодро ответила Полина и припустила через сквер.

Значит, домой нельзя.

Ну да, конечно, они вычислили Полину в два счета — владелец ресторана знал ее как облупленную, да еще и сумка, которую она там забыла... а в сумке мобильник, журналистское удостоверение, блокнот для записей... значит, дома у нее больше нет. Но она должна хоть где-то спрятаться, чтобы привести себя в порядок. И речь шла не только о внешности, но и о мыслях, да хотя бы элементарно отдохнуть...

Тут ей пришло в голову единственное место, куда можно было прийти в любое время, в любом состоянии. Имя единственного человека, на которого она могла положиться, что бы с ней ни случилось.

Евгений. Женя.

При одной мысли о нем у нее пересохло во рту и сердце забилося, как будто она только что пробежала кросс.

Впрочем, так оно и было — Полина только что пробежала настоящий кросс, точнее — гонку преследования.

Евгений поможет, он спасет ее, вытащит из любой передраги. Иначе и быть не может, потому что Евгений — это ее все, мужчина, посланный судьбой, ее вторая половинка, которую ей повезло повстречать не слишком поздно.

Они были знакомы всего несколько месяцев, а Полине казалось, что она знает Евгения всю жизнь. Встретив его, она поняла: все, что было у нее раньше с мужчинами, не стоит того, чтобы об этом вспоминать. Даже жизнь с Николаем казалась ей сейчас далекой и нереальной.

Женя поможет, она точно знала. Нужно было сразу ехать к нему.

Полина на автопилоте доехала до Жениного дома, пробежала мимо старух на лавочке, которые проводили ее неодобрительными взглядами, взлетела по лестнице и нажала на кнопку звонка. Сердце ее билось так громко, что казалось, звонок не нужен — Женя и так услышит этот стук.

Замок щелкнул, дверь распахнулась. На пороге стоял мужчина среднего роста, с темным ежиком волос и выразительными карими глазами. Одет он был в джинсы и такую же рубашку, расстегнутую на груди. При виде Полины на его лице промелькнуло удивление, но он моментально стер его и растянул губы в улыбке.

Полина не заметила этой мгновенной метаморфозы. Она видела только одно — своего единственного, своего любимого мужчину. Обняв его, она уткнулась лицом ему в грудь, вдохнула его запах и счастливо, бессвязно забормотала:

— Ты, ты, ты...

Теперь, ей казалось, весь ужас, все безумие происшедшего остались позади, с Женей ей ничто не страшно.

— Подожди, солнышко, — проговорил тот, втягивая ее в квартиру. — Ты же знаешь, какие у меня соседи... они наверняка смотрят сейчас в глазок...

— Ну и пусть, — Полина беззаботно засмеялась, — пусть завидуют!

Но в эту минуту она вспомнила мертвые глаза официантки Алисы, круглое пулевое отверстие, зияющее у нее во лбу, и по ее телу пробежала крупная дрожь.

— Что с тобой? — Женя отстранился от нее и внимательно, настороженно осмотрел. — Ты попала в аварию? На тебе лица нет, и рукав оторван... и это... это что — кровь?

Тут безумие этого ужасного дня снова обрушилось на Полину. Она отступила к двери, согнулась пополам и зарыдала.

— Это томатный соус, — повторяла она сквозь рыдания, — это просто соус...

Евгений не удивился, не рассердился и не стал задавать глупые, бесполезные вопросы. Он смотрел на нее серьезно и внимательно, он все понимал. Полина даже обрадовалась, что ему не нужно ничего рассказывать, он и так все знает. Эта мысль ее удивила — что с ней? Неужели она сходит с ума?

Полина перестала рыдать и усилием воли подавила слабость. Пусть земля будет пухом тренеру Михальчу, который научил ее не распускаться, держать удар в любой ситуации!

— Да что с тобой, солнышко? — Евгений крепко прижал ее к себе и стал гладить свободной рукой по спине, по плечам, по волосам. В то же время он осторожно взглянул на часы и озабоченно нахмурился: — Да что с тобой случилось?

От его участливого мягкого голоса из головы Полины выскочили все мысли, кроме одной: она там, где нужно, этот человек сделает все, чтобы ей помочь, он вызволит ее из любой беды. Она прижалась к нему, ища губами теплую ложбинку у него на горле, но уткнулась во что-то холодное. Ах да, медальон... Небольшой круглый медальон тусклого старого золота, на лицевой стороне которого было изображено человеческое лицо с каким-то странным выражением.

Евгений никогда не снимал его и не позволял Полине рассмотреть подробно. Говорил, что это старинная вещь и дорога ему как память. Она поняла, что ему не хочется говорить о медальоне, и прекратила попытки. В конце концов, ее интересовал только он сам, Евгений.

Полина окончательно справилась с рыданиями, еще пару раз всхлипнула и начала рассказывать обо всем, что случилось в ресторане, — подробно, с мельчайшими деталями, которые четко отпечатались в ее памяти.

Казалось, что, рассказывая об этих ужасных событиях близкому человеку, она преодолевает их, они

становятся более понятными и даже, кажется, не такими ужасными.

— Господи! — проговорил Евгений, когда она наконец замолчала. — Но это невероятно! Если бы я не знал тебя так хорошо, я бы подумал, что ты все это выдумала...

— Выдумала? — Полина отстранилась от него и взглянула возмущенно. — Неужели ты думаешь, что я могла... да у меня до сих пор перед глазами лицо Алисы! Эта аккуратная дырочка во лбу, как будто третий глаз, и сами глаза такие... изумленные, что ли... Неужели ты думаешь, что такое можно выдумать?

— Нет, конечно, я так не думаю, — заверил ее Евгений. — Просто это так дико, так невероятно...

— И самое ужасное — меня разыскивают! Полиция уже у меня дома, они не сомневаются, что я убила всех этих людей!

— Ну-ну, не бойся. — Он улыбнулся, и от его улыбки у Полины, как всегда, перехватило дыхание. — Как ты могла их убить? Ты ведь настоящего пистолета ни разу в руках не держала!

— А вот тут ты ошибаешься, — проговорила Полина мертвым, незнакомым голосом. — Я умею стрелять из пистолета, и очень даже неплохо...

— Что? — Евгений взглянул на нее удивленно и недоверчиво. — Ты умеешь стрелять?

— Ну да... что тебя так удивляет? Николай... муж... он водил меня в специальный тир.

Как всегда, при упоминании имени мужа на лицо Евгения набежала легкая тень.

Когда они только познакомились, он сказал ей, твердо глядя в глаза, что никогда не имел дела с за-

мужними женщинами, поскольку ему противно с кем-то делить свою подругу. И что если она хочет банально изменять с ним мужу, то лучше проститься прямо сейчас. Полина тогда и помыслить не могла о том, чтобы расстаться с только что обретенной любовью, поэтому принялась долго и горячо оправдываться, твердила, что они с мужем разорвали отношения давно и окончательно и что на развод она не подает только потому, что некогда этим заниматься.

Евгений поверил, но у нее нет-нет, да и проскальзывало упоминание о муже. Бывшем муже, поправлялась она, но Евгению все равно было неприятно.

Сейчас Полина отмахнулась от его недовольства и рассказала, как примерно два года назад муж вдруг заявил, что в наше опасное время женщина должна уметь пользоваться оружием, и стал водить ее в тир, который держал его старый знакомый по Первой чеченской. Николай показывал ей, как правильно держать оружие, объяснял разницу между разными моделями пистолетов и хотел оформить ей разрешение и купить настоящий боевой пистолет, но с разрешением вышла какая-то заминка. Потом, когда они приняли решение расстаться, Полина не стала напоминать ему об этом, она хотела как можно скорее отделиться от мужа и зажить самостоятельно.

Полина сама не знала, отчего она не сказала Евгению всей правды: что она семь лет занималась биатлоном и даже призы брала и что после смерти тренера Михалыча оставила спорт и не поддерживает отношения ни с кем из команды.

— Вот как, — протянул Евгений с каким-то странным выражением. — Стало быть, ты умеешь стрелять... Это немного усложняет дело, но все равно

не нужно паниковать, мы непременно что-нибудь придумаем.

Он почувствовал, как напряглось ее тело, сделал паузу и повторил, сменив интонацию:

— Я непременно что-нибудь придумаю.

И ей сразу стало легче. Она почувствовала, что оказалась в надежных, любящих руках, что может больше ни о чем не думать и ничего не бояться.

— А пока прими душ и переоденься, — заметил Евгений.

Полина приняла его предложение с благодарностью, прошла в ванную и встала под горячий душ. Сильные обжигающие струи хлестали тело, и она почувствовала, как ужас и безумие, накатившие на нее в ресторане, постепенно отступают, к ней возвращается чувство реальности и врожденный здравый смысл.

Стоя под горячим душем, она попыталась разобраться в том, что произошло.

Первое. Полина, разумеется, никого не убивала. Когда она вышла в зал, все посетители и официантка были уже мертвы.

Второе. Она насчитала пять трупов, а до того в зале было четыре посетителя и официант. Те же пятеро. Значит, их перестрелял кто-то шестой, кто-то, кто появился в ресторане, пока она возилась со своей юбкой, а потом, когда вышла из туалета, оглушил ее и вложил в руку пистолет. Разумеется, убийца не сомневался, что полиция, обнаружив Полину на месте преступления с оружием в руках, задержит ее по горячим следам и обвинит в массовом убийстве.

Но это значит... это значит, что убийца ее знает. Знает, что она умеет обращаться с оружием.

В голове сразу возникло единственное имя.

Николай. Муж. То есть бывший муж.

На нем все сходилось: он знал про ее спортивное прошлое, он лично учил ее обращаться с «Береттой», кроме того... кроме того, следовало признать: Николай сам говорил, что после Чечни стал совсем другим человеком, открыл в себе новые, темные стороны. Неужели он мог убить всех тех людей в ресторане?..

Они познакомились у Михалыча, когда Полина еще училась в институте. За чем-то она забежала к тренеру — кажется, он брал посмотреть ее винтовку, что-то там не ладилось, то ли прицел сбился, то ли боек. У Михалыча сидел мужчина — очень худой, с глубоко сидящими грустными глазами, весь какой-то желтый. Как впоследствии оказалось, это сходил южный загар.

Михалыч поил мужчину чаем, называл Колей и смотрел на него участливо. Полине он потом рассказал, что Николай был в Чечне, работал военным врачом и однажды, сопровождая машину с ранеными, попал в плен. Его вместе с другими пленниками посадили в яму и держали там несколько месяцев. И вот, когда он уже думал, что так и умрет в этой грязной яме, не увидев ни дома, ни родных, ни белого света, у хозяина дома, где он находился в плену, заболел маленький ребенок, и жена уговорила его вытащить Николая из ямы.

Ребенок метался в жару и бредил. Николай и сам был в тяжелом состоянии, но все-таки определил у ребенка ангину. Ни о каких антибиотиках в горах и не слышали никогда. Тем не менее Николай на-

царапал на бумажке название, и брат хозяина поехал за лекарством на машине, но вернуться должен был только к утру. Температура у ребенка была не меньше сорока. Николай натер крошечное тельце водкой с уксусом и уселся рядом с кроватью ждать. Ждал он смерти ребенка, а потом и своей, но ему было уже все равно.

На рассвете Николай забылся тяжелым сном. Его растолкали, когда вернулся брат хозяина. Ребенок больше не бредил, он едва дышал, но жара не было. Трясущимися руками Николай ввел ему лекарство. Через некоторое время ребенку стало лучше — антибиотик подействовал.

В благодарность хозяин не стал возвращать его в яму, а продал в соседнее село, где русские пленные работали в поле.

Работа тяжелая, от зари до зари, но все-таки можно было видеть солнце, и кормили гораздо лучше. Кроме того, мать спасенного ребенка послала своего старшего сына передать о Николае весточку в его часть. Если там узнают его точное местонахождение, то могут начать переговоры о выдаче. Правда, Николай не очень на это надеялся — мальчишка мог и наврать, что передал записку.

Однако через несколько месяцев ночью его вдруг куда-то повезли. До самого последнего времени Николай не позволял себе надеяться. Бывали случаи, когда стороны вроде обо всем договорились, а на место передачи привозили не пленного, а его голову. Но все прошло удачно, Николая выдали своим, демобилизовали, документы восстановили.

Родных у него почти не было — родители умерли, а жениться он как-то не собрался. Закончил ка-

кие-то курсы переквалификации и нашел работу по специальности — врачей не хватало, все норовили устроиться в коммерческие центры.

Сидя на приеме в участковой поликлинике, Николай потихоньку приходил в норму. То есть ему так казалось.

Он сам рассказывал Полине, что вначале даже приветствовал такую монотонную жизнь — без всяких новостей и событий.

В кабинете старухи привычно жаловались на болячки, в перерывах докторицы средних лет с неустроенной судьбой угощали его домашними пирогами и зазывали в гости. Потом его одолела тоска, и как-то он встретил Михалыча, с которым был знаком раньше, еще до Чечни.

У Михалыча было множество знакомых, и всем он помогал. Он собирался найти Николаю работу поинтереснее, пытался опекать его, вытащить из депрессии, но тут произошла встреча с Полиной.

Николай честно признался Полине, что влюбился в нее с первого взгляда, он вообще всегда был с ней честен.

Их отношения не были безоблачными с самого начала. Николая тянуло к ней так сильно, что он не мог противиться этому чувству. Иногда Полина, просыпаясь, видела его ночью под своими окнами. Сдругой стороны, он боялся, что она будет несчастна, если свяжет свою судьбу с ним, много пережившим немолодым человеком. Во всяком случае, таким он себя считал. На самом деле он был старше Полины только на десять лет, тогда ему было всего тридцать два года. Но душой он был гораздо старше — такая мука иногда стояла в его глазах.

Николай нравился ей, очень нравился, он был добрый, хороший, сильный человек. Просто ему здорово не повезло в жизни, и Полина хотела компенсировать ему это невезение. Ей это удалось, они поженились, и Николай был счастлив. Помолодел, оживился, нашел работу поденжнее, в платной клинике. К Полине относился прекрасно, и тогда она думала, что все в их отношениях замечательно.

Впрочем, особенно Полина не раздумывала, она торопилась жить. Училась, занималась спортом, потом окунулась в работу, усиленно делала карьеру. Ей всегда было некогда, вечно она куда-то спешила, неслась, на ходу разговаривая по телефону.

Годы бежали незаметно, пошел уже пятый год их брака.

Прежде чем Полина что-то заметила, муж уже все про себя знал. Бывший муж.

Как-то ночью она проснулась, сонно потянулась к Николаю — и поняла, что его нет в постели, больше того, его половина кровати успела остыть. Она перепугалась, вскочила, вышла в коридор.

На кухне горел свет.

Николай сидел, опустив голову, и глядел прямо перед собой пустыми, ничего не видящими глазами. Приглядевшись, Полина заметила, что по его сильному телу время от времени пробегает дрожь.

— Что с тобой? — спросила она испуганно.

— Кто... кто это? — Он посмотрел на нее, и Полина в испуге попятилась — такой холод, такой мрак струился из его глаз.

— Коля... — растерянно позвала она, — Коля, очнись...

Ей было страшно к нему приближаться, но она сжала зубы и преодолела себя, робко тронув его за плечо. Плечо было каменным, но вот по нему снова пробежала дрожь, как будто далеко-далеко прошел тяжело груженный состав, от которого дрожат даже каменные дома.

— Николай! — в панике закричала она и тряхнула его сильнее.

Он вздрогнул, встряхнул головой, растерянно огляделся.

— Это ты... — проговорил муж незнакомым, севшим голосом. — Извини, я тебя напугал...

Полина ощутила, как бьется ее собственное сердце — торопливо и неровно. Каким-то шестым чувством она поняла, что сейчас не следует приставать к мужу с расспросами. Она опустилась перед ним на колени и заглянула в глаза, в которых стояла жуткая тоска. Но все же это было хоть какое-то чувство, а не тот мрак и чернота, как раньше. Она взяла его руки в свои. Они были холодны как лед, и дрожь не проходила. Полина вскочила, засуетилась, согрела чайник. Потом уложила мужа в постель и сама приткнулась рядом. Она гладила его волосы и шептала что-то ласковое, как ребенку. Понемногу его тело перестало быть таким напряженным, дрожь ушла.

И все-таки она заснула первая.

Через некоторое время приступ повторился. Снова Полина проснулась среди ночи, не найдя Николая рядом, снова он сидел на кухне, опустив руки, и в глазах его также стоял вселенский холод и мрак. Снова она отшатнулась, увидев эти глаза, только теперь не так испугалась. Снова она трясла его за

плечи и поила потом чаем, снова гладила по голове, только это помогло не так быстро.

После третьего приступа она решилась спросить, что же с ним происходит, но Николай отговорился какой-то ерундой, а она торопилась на важную деловую встречу. Полина дала себе слово вернуться к этому разговору, но ее отвлекла обычная круговерть — работа, встречи, презентации... Потом она уехала в командировку, потом подвернулась путевка в Испанию. Николай не смог с ней поехать — не отпустили с работы.

Когда она вернулась — свежая, загорелая, отдохнувшая, полная сил, Николай показался ей чужим. На миг мелькнула мысль — что общего у нее с этим немолодым, ужасно выглядевшим, странным человеком? Однако Полина тут же опомнилась — ведь это ее муж, они прожили вместе пять лет! Но очевидно, Николай что-то сумел прочитать по ее лицу, он ведь отлично ее знал.

Теперь она больше не просыпалась от его приступов, Николай боролся с ними в одиночку, а через некоторое время сам начал трудный разговор.

— Нам надо расстаться, — сказал он твердо, — я не хочу портить твою жизнь.

Полина не стала спрашивать почему, только закрыла глаза и замотала головой — нет, нельзя, никак не возможно, что это ты выдумал?

— Я болен, — тихо сказал Николай. — Это результат пребывания в Чечне. Ничто не проходит бесследно. Я наивно надеялся, что любовь к тебе вытеснит воспоминания, вылечит мою душу, сделает меня прежним. К сожалению, этого не произошло.

— Просто ты меня не любишь! — выкрикнула Полина в слезах. — И никогда не любил!

— Это не так, — сказал он так же твердо. — Я люблю тебя, но хочу защитить.

«От кого защитить — от себя?» — хотела крикнуть она, но закусила губу до крови.

Полина понимала, что он прав, как всегда. Несомненно, муж болен, болен психически, и это он понял гораздо раньше ее. Все же он врач. И даже если эту болезнь можно вылечить, он не хочет, чтобы она видела его мучения.

— Я не хочу, чтобы ты видела, как я... — Николай не договорил, но она поняла, что он хочет сказать. Он всегда был с ней честен, только сейчас голос его слегка дрогнул.

— Но я не могу... так вдруг расстаться...

— Сможешь! — жестко сказал он. — Я уже все решил. Так надо.

И она послушалась, как слушалась его раньше — ведь муж был старше и опытнее. К тому же в глубине души Полина понимала, что так и вправду будет лучше. Николай никогда не простит ей, если она останется с ним из жалости.

Полина переехала в свою крошечную квартирку, но скучала по мужу и первое время пыталась найти предлог для встреч. Несмотря ни на что, они хорошо жили, и Полина часто вспоминала, как все начиналось, как он ночами стоял под ее окнами, как лицо его озарялось улыбкой, когда он ее видел...

Потом воспоминания о совместной их жизни отошли на второй план, снова началась круговерть с работой, встречами, посещениями ресторанов и клубов.

Когда через несколько недель они случайно встретились, Полина едва не вскрикнула, до того Николай изменился. Похудел, глаза больные и какие-то дикие. Она поняла, что он глубоко несчастен.

— Коля... — она тронула его за руку, — я так не могу... ты...

— Оставь меня в покое! — Он вырвал руку и посмотрел на нее с ненавистью. — Отстань, наконец! — и ушел, не оглянувшись.

А через месяц она встретила Евгения, и все мысли вылетели у нее из головы, кроме одной — это мужчина, который дан ей судьбой. Только с этим мужчиной она хочет быть вместе. Все остальное было ошибкой.

Когда она осознала это, то позвонила Николаю и сказала, что хочет развода. Он отвечал вяло и как-то заторможенно, но сказал, что согласен. Полина подчеркнула, что после этого разговора считает себя свободной от брака и их официальный развод только дело времени.

— Ты же сам так решил, — напомнила она мужу. — Это была твоя инициатива.

Николай прекрасно знал, в каких местах бывает Полина, и один раз они столкнулись в ресторане, где она была с Евгением. Глядя на них двоих, Николай, конечно же, все понял. Полина перехватила тогда его взгляд, брошенный на Евгения. Как же он на него смотрел! Это была даже не ненависть, а нечто иное, но гораздо более страшное.

Несмотря на обжигающие струи душа, Полину вдруг охватил пронизывающий озноб. Неужели Николай связан с этим кошмаром, что случился с ней сегодня?

Она выключила душ, растерлась жестким полотенцем и вышла в коридор.

Евгений стоял в нескольких шагах от ванной и разговаривал с кем-то по телефону. Увидев его, Полина снова почувствовала теплую волну нежности, шагнула к нему, чтобы прижаться, укрыться в его объятиях от своих ужасных мыслей и еще более ужасной реальности, но он предостерегающе поднял брови и поднес палец к губам.

— Нет, — проговорил в трубку. — Конечно, я не знаю, где она, но если она со мной свяжется — так ей и скажу...

Он еще что-то выслушал, повесил трубку и повернулся к Полине с озабоченным видом:

— Мне звонил один старый знакомый... я тебе не говорил о нем, он работает на полицию, у него там большие связи. Так вот... знаешь, солнышко, когда ты мне все рассказала, я, честно говоря, не совсем поверил.

— Как?! — возмущенно вскрикнула Полина. — Ты решил, что я вру? Как ты мог!

— Да нет. — Он отступил на шаг, поднял руки. — Знаешь, это так неправдоподобно — ресторан, гора трупов, пистолет у тебя в руке... ведь ты, согласишься, не бухгалтер мафии и наркотиками не торгуешь. Я подумал, что тебе чего-то не хватает в жизни, и ты... немножко нафантазировала. Но этот звонок... мой знакомый... он сказал, что в ресторане «Аль денте» действительно убиты пять человек и тебя разыскивают как главную подозреваемую.

— А откуда он знает, что мы с тобой... знакомы? Евгений поморщился:

— Ты не представляешь, солнышко, насколько продвинулись компьютерные технологии. Как только ты попала в поле зрения полиции — о тебе тут же выяснили все: где ты работаешь, чем занимаешься, что ешь и пьешь, с кем, извини меня, спишь. Мой знакомый... эти современные технологии — как раз его специальность, и он предупредил меня раньше, чем передал все данные своему руководству. Так что у нас есть час, может быть, даже полтора, но потом сюда приедут люди в черном. Так что у нас совсем мало времени.

Полина вспомнила парней в черной униформе, которые ворвались в ресторан, а потом в ее подъезд, и метнулась к двери.

— Стой! — крикнул Евгений. — Ты что, собралась на улицу в одном полотенце? Так тебя заберут еще скорее! Я же сказал — у нас есть час или даже полтора, то есть нужно рассчитывать на сорок минут. За это время ты должна переодеться, изменить внешность, насколько удастся, а потом я познакомлю тебя с одним человеком. Может быть, он сможет спрятать тебя на какое-то время.

Полина перевела дыхание.

Все хорошо. То есть, конечно, все ужасно, но она не одна, у нее есть Евгений, который придумает выход из этой ужасной ситуации. Он уже дал ей правильный совет — изменить внешность. Нужно действовать, а про все остальное она подумает потом, когда будет время. На миг в голове возникла здравая мысль: зачем она бежит? Она же ни в чем не виновата. Нужно спокойно подумать, что же случилось, кто мог ее подставить и для чего? И если не сдаться

полиции, то попытаться самой... некогда, у нее нет на это времени.

Полина снова бросилась в ванную комнату. Хорошо, что она часто бывала в этой квартире и уже обросла кое-какими необходимыми вещами. Нашла ножницы, оттеночный шампунь... хотя как он здесь оказался? Она красит волосы в рыже-каштановый цвет, а тут оттенок черный. Что это значит — у Евгения бывает другая женщина?

«Идиотка, — тут же рассердилась на себя Полина. — Тебя ищет вся полиция города, у тебя земля горит под ногами, а ты не нашла ничего умнее, чем ревновать!»

Евгений — это ее мужчина, только ее, ревности нет места в их отношениях.

Волосы она обрезала коротко — ее парикмахер Танечка пришла бы в ужас от того, во что она превратила свою стрижку, но сейчас у Полины были другие приоритеты. Глаза пришлось накрасить очень сильно, чтобы казались темными.

Через десять минут из ванной вышла коротко стриженная брюнетка с ярко накрашенными губами. Довольно вульгарно, но в таком виде ее никто не узнает.

— Отлично! — Евгений стоял посреди коридора, засунув руки в карманы. — Теперь нужно поработать над костюмом — и можно выдвигаться без большого риска!

К счастью, кое-какие шмотки у нее здесь тоже были.

Полина отыскала подходящую к ее новому облику кожаную курточку с косой молнией, с трудом втиснулась в узкие черные джинсы (нет, непре-

менно нужно похудеть...) и нашла на полке черную вельветовую кепку с большим козырьком. Полминуты она эту кепку озадаченно рассматривала — вроде бы ничего подобного в ее гардеробе не было, но потом махнула рукой и напялила, лихо заломив набок.

Теперь из зеркала на нее смотрела вульгарная девица лет на пять моложе ее паспортного возраста.

— А что — очень даже ничего! — одобрил Евгений и обнял ее сзади, щекотно прикоснулся губами к шее.

У Полины привычно зашлось дыхание, но Евгений тут же отстранился и озабоченно проговорил:

— Все, надо уходить — сорок минут прошло. Ты подожди, я машину подгоню к подъезду.

Полина послушно выждала десять минут и, захлопнув дверь квартиры, нос к носу столкнулась с соседкой Евгения. Не случайно он ее опасался — баба и правда была противная, вечно все высматривала и вынюхивала. И похожа была на крысу — нос длинный, глазки близко посажены.

— Здравствуйте! — пропела она.

— До свидания, — буркнула Полина.

Сбегая по лестнице, она краем глаза заметила, что соседка пристально смотрит ей вслед и нос у нее шевелится, точно как у крысы.

Машина Евгения ждала ее у подъезда, и Полина юркнула на заднее сиденье. Отдышавшись, она закрыла глаза и постаралась расслабиться. Михалыч говорил, что это обязательно нужно делать, нельзя долгое время находиться в напряжении, тогда все рефлексы слабеют. Что ж, пока реакция ее не подводи́ла.

Когда она открыла глаза, машина ехала по незнакомым улицам — Полина редко бывала в этой части города. Сзади мелькнуло что-то синее, знакомое. Ага, «БМВ». На такой ездил ее муж. Бывший муж.

Машина была старая, но он к ней привязался и не хотел менять, говорил, что сроднился с ней, как с близким другом. Неужели это его машина? Полина вытянула шею, завертелась на сиденье, чтобы разглядеть номер, но синий «БМВ» пропал, как колова языком слизала.

— Что-то не так? — спросил Евгений, не отрывая глаз от дороги. — Что тебя насторожило?

— Нет-нет, милый, все в порядке, мне просто показалось, — поспешно ответила она, зная, что он не любит, когда она вспоминает о муже. Бывшем муже.

Они приехали в какой-то третьесортный бар. Низкий уровень этого заведения Полина сразу определила наметанным глазом — дешевая отделка, явно не дизайнерская, искусственные цветы на окнах, шалавистые официантки. Наверняка и кухня, и обслуживание здесь ниже плинтуса, машинально отметила Полина, но тут же напомнила себе, что пришла сюда не для того, чтобы писать ресторанный обзор или свою еженедельную колонку.

— Посиди пока здесь, — сказал Евгений, указав на высокий табурет возле стойки. — А я должен переговорить с нужным человеком. Это не займет много времени.

Полина взгроздилась на табурет, чувствуя себя как сорока на заборе, и исподтишка оглядела бар.

Публика здесь была соответствующая заведению — мрачные подвыпившие субъекты крими-

нального вида и их безбожно размалеванные подружки, а также одинокие девицы, у которых на лице явно читалась принадлежность к древнейшей профессии. Впрочем, Полина в своем сегодняшнем виде не очень выделялась на их фоне, что тут же подтвердил бармен. Подойдя к ней с другой стороны стойки, он окинул ее наглым взглядом и спросил:

— Работаешь?

— Отдыхаю! — отрезала Полина, мрачно зыркнув на него поверх черных очков.

— Ну, смотри, — бармен криво усмехнулся. — Тут девочки строгие, чужих на свою территорию не пускают!

— Ладно, ты мне лучше не советы давай, а обслужи. Настоящую «Маргариту» умеешь делать? С солью и лаймом?

— Обижает! — Он отступил на шаг, ловко подхватил бокал, бутылку текилы и принялся колдовать над коктейлем.

В это время рядом с Полиной возникла долговязая брюнетка в невысказанно короткой юбке и с таким макияжем, что ей впору было играть в третьесортном фильме про вампиров.

Взобравшись на соседний табурет, она в упор уставилась на Полину и процедила:

— Ты кто такая?

— А ты? — огрызнулась Полина.

— Меня-то здесь каждая собака знает, — ответила брюнетка гордо и отбросила волосы со лба. — Я — Электролиза, и здесь я решаю, кому можно работать, а кому нет!

— Ух ты! — Полина изобразила восхищение. — Надо же — Электролиза! А я думала — электро-

чайник! А что тебя каждая собака знает — это заметно. Я вот, например, с собаками дела не имею...

— Умничаешь? — прошипела брюнетка. — Знаешь, что я с такими умными делаю?

— Не знаю и не интересуюсь! — отрезала Полина. — Слушай, отвали от меня по-хорошему!

— Девочки, девочки, не ссорьтесь! — проговорил бармен и, подтолкнув Полине бокал с коктейлем, продолжил: — Вот твоя «Маргарита», и мой тебе совет — пей и уходи!

Полина потянулась было за бокалом, но Электролиза опередила ее, схватила бокал двумя пальцами за ножку, выпила одним глотком и, поморщившись, процедила:

— Ну ты и гадость пьешь! Хотя ты и сама такая...

— Девочки, не ссорьтесь! — примирительно повторил бармен. — Сейчас я тебе сделаю другую «Маргариту», за счет заведения...

— А ты не лезь не в свое дело! — отшила его брюнетка, злобно сверкнув глазами. — Я эту швабру сейчас по полу размажу! Только вот это заберу, мне это нравится!

С этими словами она сорвала с головы Полины вельветовую кепку и напялила на себя.

Полина потянулась было, чтобы кепку вернуть, но тут события приняли неожиданный оборот.

С двух сторон от Электролизы возникли двое парней с одинаково невозмутимыми лицами. Схватив ее за локти, они сдернули девицу с табурета и поволокли к выходу из бара.

— Отвяньте, козлы! — заверещала та, бешено выдираясь. — Вы не знаете, с кем связались!

При этом умудрилась подбить одному из парней глаз, а второму молниеносным движением расцарапать щеку. Но они, несмотря на такие тяжелые раны, проявили чудеса стойкости и продолжали тащить девицу к выходу.

В первое мгновение Полина почувствовала только удивление и облегчение — неизвестные громилы избавили ее от скандальной девицы, которая могла доставить массу хлопот. В следующее — она подумала о причине такого странного происшествия.

Возможно, Электролизу поволокли на разборку, связанную с ее профессией, — не поделила с кем-то из коллег территорию или утаила от сутенера часть дохода? Впрочем, те двое парней, что тащили ее к двери, выглядели слишком неприметно и профессионально для сутенеров или рядовых бандитов... А еще через секунду Полина увидела человека, который стоял в дверях бара, в нетерпении поджидая двух молодчиков и их упирающуюся жертву.

Полина похолодела: это был тот самый человек в штатском, который командовал полицейским спецназом возле ресторана «Аль денте» и около ее собственного дома...

Электролизу подтащили к полицейскому начальнику, он резким движением сдернул с нее кепку и тут же что-то раздраженно бросил своим подручным.

Расстояние и шум не позволили Полине расслышать его слова, но она догадалась или прочитала по губам, что он сказал: «Кого это вы мне притащили? Эта не та девка!»

Тут до Полины дошел истинный смысл происшествия.

Незадачливую девицу схватили вместо нее, Полины. Человек в штатском и его подручные явились в этот бар именно за ней, по чьей-то наводке, и Электролиза пострадала из-за своей наглости: она сорвала с Полины кепку и напялила на себя, вот ее и приняли за подозреваемую в массовом убийстве...

Стоп! Значит, тот, кто вызвал сюда полицию, знал, как выглядит сейчас Полина, знал, что она перекрасилась в черный цвет, и про дурацкую кепку тоже знал... Неужели... неужели это Евгений? Но зачем? Если бы он хотел ее выдать полиции, то не притащил бы в этот задрипанный бар, просто позвонил бы и вызвал их к себе, пока Полина принимала душ и перекрашивала волосы.

Но тогда кто же, кто? Та самая соседка, что видела Полину у дверей квартиры? Откуда ей знать, кто такая Полина, точнее, что именно ее разыскивает полиция?

Значит, это Николай, больше некому, обреченно поняла она. Это его машину она видела, это он их преследовал. Наверное, это он выследил ее и навел полицию.

Все эти мысли промелькнули в голове Полины в долю секунды.

В следующее мгновение она осознала, что ошибка уже раскрыта и сейчас полицейские бросятся за ней, причем на этот раз не ошибутся... Дальше ее сознание отключилось, и снова, как прежде в ресторане, Полина действовала на автопилоте.

Она ловко переметнулась через стойку, упала на четвереньки и в таком неудобном положении устремилась к служебному выходу. Перед ней возникли

мужские ноги в синих джинсах, она подняла голову и увидела бармена. Он стоял с отвисшей челюстью и смотрел на нее как баран на новые ворота.

— Что стоишь? — прошипела Полина. — С дороги!

Бармен испуганно посторонился, решив не связываться, Полина проползла мимо него, но тут же остановилась и снова прошипела, как рассерженная кошка:

— Дверь открой!

Бармен послушно распахнул перед ней дверь в служебное помещение, она проползла в нее и только тогда встала.

Ей не раз приходилось бывать в подсобных помещениях подобных заведений, и она знала, что у них примерно одинаковая планировка: из коридора две-три двери ведут в кабинет директора или управляющего, в кладовую и в какую-нибудь подсобку и еще одна дверь — к заднему грузовому выходу, через который подвозят продукты, спиртное и прочие необходимые вещи, а также выносят мусор и отходы. Эта-то дверь и была ей сейчас нужна.

Справа от нее распахнулась дверь, на пороге возник толстяк лет сорока в расходящейся на необъятном животе шелковой рубашке. Ну да, тот самый управляющий. Увидев Полину, толстяк насупился и раздраженно проговорил:

— Ты кто такая? Здесь ходить нельзя!

— Мне — можно, — отрезала Полина и добавила: — Брюхо подтяни и рубашку застегни!

Толстяк побагровел и выпучил глаза, как вареный морепродукт, а Полина втокнула его обратно в кабинет, захлопнула дверь и бросилась вперед.

Однако в эту минуту она поняла, что самоуверенность подвела ее: понадеявшись на то, что знает планировку подсобных помещений, она оказалась в тупике, перед закрытой на замок дверью.

Полина подергала ее, но та не поддавалась. А сзади уже приближались шаги преследующих ее полицейских...

Полина заметалась в тупике, еще раз дернула дверь... и вдруг раздался едва слышный щелчок, как будто кто-то повернул ключ в замке. Дверь открылась.

Не веря в такую удачу, Полина скользнула в дверной проем. Тут же слева от нее мелькнула какая-то тень и скрылась в кладовой. Раздумывать о том, кто это был, не осталось времени, и Полина бросилась вперед по коридору.

Коридор сделал поворот, и впереди замаячила открытая на улицу дверь, от нее навстречу Полине шел парень с огромной коробкой на плечах. Столкнувшись с Полиной, он замедлил шаги и хотел что-то сказать, но девушка опередила его.

— Давай скорее, а то директор там уже на мыло исходит! — бросила она, обходя грузчика.

— Сам пускай такие тяжести таскает... за такие деньги я надрываться не обязан... — пробубнил парень, но все же прибавил шагу и скрылся за поворотом.

В следующее мгновение оттуда донеслись тяжелые шаги бегущих людей, грохот и громкие ругательства — должно быть, преследователи налетели на грузчика. Таким образом, Полина выиграла еще пару секунд.